

Примечания

- ¹ См.: Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме. М., 1960.
- ² Селье Г. Стресс без дистресса. М., 1979. С. 30.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ См.: Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме.
- ⁶ См.: Ганзен В.А. Системный подход к анализу, описанию и экспериментальному исследованию психических состояний человека // Психические состояния: сб. ст. Л., 1981. Вып. 10. С. 3–23.
- ⁷ См.: Ильин Е.П. Оптимальные состояния человека как психофизиологическая проблема // Психол. журн. 1981. Т. 2. № 5. С. 35–42.
- ⁸ См.: Медведев В.И. Психологические реакции человека в экстремальных условиях // Экологическая физиология человека. Адаптация человека к экстремальным условиям среды. М., 1979. С. 66–67.
- ⁹ См.: Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. СПб., 2006.
- ¹⁰ См.: Вяткин Б.А. Темперамент, стресс и успешность деятельности спортсмена в соревнованиях // Стресс и тревога в спорте: сб. ст. / сост. Ю.Л. Ханин. М., 1983. С. 56–64; Меерсон Ф.З. Адаптация, стресс и профилактика. М., 1981; Никифоров Г.С. Самоконтроль человека. Л., 1989.
- ¹¹ Аболин Л.М. Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека. Казань, 1987. С. 83.
- ¹² См.: Селье Г. Стресс без дистресса.
- ¹³ См.: Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 35.
- ¹⁵ Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М., 1983. С. 12–13.
- ¹⁶ См.: Китаев-Смык Л.А. Изменение фотонической и скотопической чувствительности зрения человека при кратковременном действии невесомости // Проблемы физиологической оптики. Л., 1969. Т. 15. С. 130–133.
- ¹⁷ См.: Китаев-Смык Л.А. Изменение фотонической и скотопической чувствительности зрения человека... С. 130–133; Он же. Кратковременная память при кинетозе в условиях длительного вращения // Механизмы модуляции памяти. Л., 1976. С. 93–96; Он же. О некоторых информационных аспектах этиопатогенеза // Психология и медицина. М., 1978. С. 428–431; Медведев В.И. Указ. соч. С. 66–67.
- ¹⁸ См.: Хрунов Е.В., Хачатурьянц Л.С., Попов В.А., Иванов Е.А. Человек — оператор в космическом полете. М., 1974.
- ¹⁹ См.: Медведев В.И. Указ. соч. С. 66–67.
- ²⁰ См.: Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988.
- ²¹ См.: Ташлыков В.А. Психология лечебного процесса. Л., 1984.
- ²² См.: Там же.
- ²³ См.: Березин Ф.Б. Указ. соч.
- ²⁴ См.: Морган У.П., Эликсон К.А. Ситуативная тревога и результативность деятельности // Вопр. психол. 1990. № 3. С. 155–161.
- ²⁵ См.: Ханин Ю.Л. Исследование тревоги в спорте // Вопр. психол. 1978. № 6. С. 94–106.
- ²⁶ См.: Березин Ф.Б. Указ. соч.
- ²⁷ См.: Куликов Л.В. Личностный фактор в преодолении стресса // Актуальные проблемы психологической теории и практики: сб. ст. / под ред. А.А. Крылова. СПб., 1995. № 14. С. 92.
- ²⁸ См.: Березин Ф.Б. Указ. соч.

УДК 316.6 + 159.942:7.01

Е.В. РЯГУЗОВА
Саратовский государственный университет
E-mail: rjaguzova@yandex.ru

Роль Другого в преодолении последствий травматического стресса

Реалии современного общества диктуют необходимость расширения пространства консультативного диалога с людьми, пережившими травматический стресс, до пространства полилога, включающего в себя коммуникации и интеракции со многими людьми. Показано, что полилогическое пространство репрезентируется с помощью таких осей, как «Я сам как Другой», «Я — психолог-консультант», «Я как Другой — близкие и значимые Другие», «Другой как Я» и «Другой как враг». Констатируется, что ключевой фигурой этого пространства является субъект травматического опыта, тогда как психолог-консультант выполняет роль своеобразного куратора-модератора, способного настроить, перестроить параметры этого пространства и гармонизировать его.

Ключевые слова: консультативная психология, субъект травматического опыта, коммуникация и интеракция с Другим, фигура Другого.

YE.V. RYAGUZOVA

Role of Other in Coping with Traumatic Stress Consequences

The paper affirms that contemporary society's realities predict a necessity to expand the consultative dialogue space with people who have experienced a traumatic stress to a polylogue space incorporating within itself communications and interactions with many people. It is made evident that a polylogical room is represented by means of such axes as "I myself as Other", "I — psychologist consultant", "I as other — intimate and significant Others", "Other as I" and "Other as Enemy". It is alleged that the key figure in this space is a traumatic experience subject, when a consultative psychologist performs a part of a specific curator-moderator capable of tuning and reformatting dimensions of this space and harmonizing it.

Key words: consultative psychology, traumatic experience subject, communication and interaction with Other, figure of Other.

Современная психология характеризуется расширением своего категориального аппарата за счет аналитики «старых», широко используемых понятий, которые до сих пор рассматривались как нечто само собой разумеющиеся и специально не тематизировались. К таким понятиям, несомненно, относится концепт «Другой». Другой представляет собой необходимое условие существования мира и выступает как онтологическое основание социального, именно благодаря ему человек не только осмысливает и конструирует социальную реальность, проблематизирует себя, постигая свою самость и расширяя горизонты самопознания, но и переживает радость победы и горечь поражения, эмоциональные взлеты и смысловые падения, ценностный кризис и духовный расцвет. В контексте данной работы нас будет интересовать роль Другого/Других в преодолении последствий травматического стресса через восстановление, а иногда и выстраивание заново intersubjectных отношений, при этом смещение акцента на роль Других в преодолении последствий травматического стресса не умаляет важность и не минимизирует значимость интрапсихических факторов, а означает лишь сфокусированность исследовательского интереса на фигуре Другого.

Консультативная психология рассматривается как отрасль психологического знания, акцентирующая свое внимание на изучении закономерностей психологического консультирования и описании процессов оказания психологической помощи посредством специально организованного диалога, являющегося одновременно и целью, и средством изменений в интрапсихическом пространстве человека, обратившегося за помощью. Диалог с консультантом обеспечивает перераспределение внутренних ресурсов личности и определяет смысловую траекторию разрешения трудной жизненной ситуации. Мы утверждаем, что реалии сегодняшнего дня и

современные психологические подходы диктуют необходимость расширения пространства диалога до пространства полилога, включающего в себя коммуникации и интеракции не только с психологом-консультантом, но и со многими другими людьми.

Условно пространство полилога человека, пережившего травматическую ситуацию, с Другим/Другими можно репрезентировать с помощью следующих осей или векторов:

аутокоммуникация: «Я прошлое» — «Я актуальное» — «Я будущее»; «Я сам как Другой»; коммуникация с психологом-консультантом: «Я» — «психолог-консультант»;

интеракция с ближайшим окружением: «Я как Другой» — «близкие и значимые Другие»;

общение и интеракция с людьми, имеющими аналогичный опыт: «Я» — «Другой с аналогичным опытом»; «Другой как Я»;

аутокоммуникация с реальным или воображаемым Другим как источником и причиной случившегося травматического события: Другой как враг.

Рассмотрим и проанализируем каждый из выделенных векторов.

**«Я прошлое» ↔ «Я как Другой» ↔
«Я будущее»**

Первый вектор пространства взаимодействия Я с Другими связан с внутренними монологами человека с самим собой. При этом контекст травматичности ситуации задает и своеобразие аутокоммуникации. Травматическое событие часто описывается как такое, которое выступает своеобразным маркером, репрезентирующим разрыв на жизненном пути личности, и может рассматриваться как точка бифуркации развития или регрессии Я. Под воздействием травматического события меняется не только картина внешнего мира, но и существенно трансформируется внутренний интрапсихический мир личности, ее ценности, смыслы и установки, происходят изменения в когнитивных моде-

лях существования, которые на субъективном уровне находят свое отражение в рефлексии личностной измененности, в особенностях оценки пережитого травматического события как индивидуального жизненного опыта, а также в изменениях представлений о психологической перспективе и о себе самом в будущем.

Во многих случаях снятие последствий травматического стресса происходит с помощью психологических защит, которые способствуют рефигурации травматического опыта и рассматриваются как совокупность действий, направленных на уменьшение или устранение любого изменения, угрожающего целостности и устойчивости индивида¹. В проведенном ранее эмпирическом исследовании нами была предложена типология описательных моделей рефигурации травматического опыта²:

- *модель полной или частичной ассимиляции*, отражающая непротиворечивое встраивание травматического события во внутренний мир личности; травматическое переживание при этом преобразуется в травматический опыт и интегрируется личностью. Генеральный микст защит представлен такими механизмами, как проекция, рационализация и отрицание. Корреляционный анализ выявил, что значимое влияние оказывают защиты второго фронта, такие как реактивное образование, замещение, отрицание, проекция и регрессия;

- *модель инкапсуляции*, связанная с напряженностью внутреннего мира, неотработанностью травматического переживания, его вытеснением, помещением в своеобразную защитную оболочку — капсулу — и невозможностью его проживания; эта модель репрезентируется большим количеством защит, их неэффективностью и частичным возвратом к онтогенетически более ранним защитам. Доминирующий ряд психологических защит представлен такими механизмами, как проекция, отрицание и регрессия. Специфическими особенностями этой модели можно считать укрепление комплекса не-Я, конфликт между Я — не-Я, кризис идентичности и наличие внутреннего напряжения;

- *модель колонизации* отражает частичную или полную трансформацию Я-концепции, негативное разрешение кризиса идентичности и смену ценностей, установок и аттитюдов. Отличительной особенностью этой модели можно считать то, что травма-

тическое событие не просто встраивается в субъективное пространство, а подчиняет его себе, перестраивает его в соответствии с приобретенным травматическим опытом, деформируя ценностную структуру личности и изменяя Я-концепцию. При этом происходит разрешение конфликта Я — не-Я, механизм компенсации снижает внутреннюю напряженность ценой полной или частичной реорганизации Я-концепции и сменой способов функционирования.

Предложенные модели описывают траекторию совладания с последствиями травматического стресса и объясняют механизм образования посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) или посттравматического личностного расстройства (ПТЛР) в контексте личностных защит. Что касается определенного нами формата «Я прошлое» ↔ «Я как Другой» ↔ «Я будущее», то, как справедливо было отмечено известными психологами, существует некая критическая точка рассогласования между «Я актуальным», «Я прошлым» и «Я будущим», достижение которой приводит к социально-психологической дезадаптации (К. Хорни), к нарушениям личности (К. Роджерс), к низкому уровню самоактуализации (А. Маслоу) и даже к психическим расстройствам (Т. Хиггинс). В рамках предложенных выше моделей можно считать, что модель ассимиляции предполагает интеграцию травматического опыта и его встраивание в существующую Я-концепцию, следовательно, «Я как Другой» трансформируется в «Я с новым опытом», не вступающим в конфликт ни с «Я прошлым», ни с «Я будущим». Модель инкапсуляции акцентирует внимание на конфликте между «Я с новым опытом» и «Я прошлым» и на невозможности конструирования «Я будущего», а модель колонизации демонстрирует разрыв и критическое рассогласование между этими тремя модусами, указывая на кризисные отношения между ними.

«Я актуальное» ↔ Другой в качестве психолога-консультанта

Профессиональная коммуникация с человеком, пережившим травматический стресс, должна проходить поэтапно и основываться на целом ряде принципов. Мы не будем подробно останавливаться на динамических характеристиках психологического консультирования (они достаточно полно описаны в контексте разных подходов³), отметим лишь

три важных, на наш взгляд, момента. Первый связан с тем, что у людей, переживших ту или иную травматическую ситуацию, очень часто не возникает запроса на психотерапевтическую коммуникацию иногда просто из-за отсутствия подобного опыта взаимодействия, а иногда из-за дефицита соответствующего знания. Безусловно, после травматического события психика активизирует весь имеющийся арсенал психологических защит, которые могут способствовать рефигурации травматического переживания, о чем мы говорили выше. Однако необходима интенсификация просветительской работы как самих психологов-консультантов («информационная терапия»), так и представителей средств массовой информации для освещения проблем психологической помощи людям, получившим психическую травму, об интересных и эффективных программах психологической поддержки и совладания с травматическим стрессом, причем эта информация должна предназначаться не только членам профессионального психологического сообщества, но широкому кругу потенциальных клиентов. Для консультативной работы наличие запроса является необходимым и важным условием, поскольку оно связано с определенным уровнем ответственности клиента, его интенцией взаимодействовать и готовностью к изменениям.

Второй момент касается значимости и своеобразия консультирования в острый период, которое должно иметь место в кратчайшие сроки после актуализации травматического стресса, опираться, главным образом, на телесно-ориентированные техники, дифференцированно учитывать этиологию, содержание и специфику конкретной травматической ситуации. Известно, что в острый период необходимо работать в первую очередь с травматическими симптомами, а не с содержанием травматического переживания, ведь именно директивные и недирективные техники соматической терапии позволяют это делать достаточно эффективно⁴. Все последующие этапы консультативной работы связаны с проработкой содержательной составляющей травматического переживания, его смысловым уровнем и могут быть пролонгированы во времени.

Что касается алгоритма организации консультирования на первом этапе (в острый период), то перечислим основную секвенцию шагов:

1) выстроить соответствующие консультативные отношения, которые отличаются от любых других социальных интеракций, позволяют клиенту приобрести уникальный опыт и характеризуются: а) принятием клиента как личности; б) предоставлением ему достаточной свободы в выражении чувств; в) отсутствием любых морализаторских суждений; г) контролем консультанта над собственной идентификацией; д) соблюдением определенного модуса общения и ответственных ролей, при выполнении которых аффективная связь имеет определенные границы;

2) сформулировать цели консультативного взаимодействия таким образом, чтобы создать у субъекта позитивные «точки роста» и обозначить вероятностную положительную динамику;

3) усилить веру в возможности преодоления субъектом последствий трудной жизненной ситуации, в том числе подчеркиванием собственной профессиональной уверенности и компетентности при взаимодействии с ним;

4) провести одновременный поиск травматических и ресурсных зон с опорой на механизм компенсации, т.е. на имеющиеся у субъекта возможности, его потенциальные ресурсы и сохранившиеся резервы;

5) найти доступ к незавершенным действиям, отношениям и реакциям, которые были заблокированы, прерваны, остановлены во время травмы, и, соответственно, попытаться завершить их.

Третий момент имеет отношение к так называемым терапевт-факторам и клиент-факторам. К первым относится уровень профессиональной подготовленности и опытности психолога-консультанта, уровень личной и социальной ответственности, делегированной ему тем социальным институтом, который он представляет, правовые ограничения и инструкции. Клиент-факторы включают в себя глубину поражения личностных структур, степень жесткости рельефов психологических защит, силу Эго и других ресурсов, уровень соматизации симптомов, их природу и консультативную цель клиента⁵.

В этой связи необходимо сказать о принципах, на которых основывается интеракция психолога-консультанта и человека, пережившего травматическое событие, которые, в основном, повторяют главные этические принципы психодиагностического исследования: личной ответственности психолога-консультанта, наличия специальной под-

готовки и аттестации у лиц, занимающихся консультативной или психодиагностической деятельностью; охраны прав и интересов личности, предполагающий то, что психолог должен предвидеть и оценивать возможные негативные последствия своей работы и не допускать их; конфиденциальности и принцип осведомленного согласия.

**«Я как Другой» ↔
«Близкие и значимые Другие»**

Важным вектором в пространстве полилога является коммуникация с близкими людьми. При этом стоит обратить внимание на то, что близкие люди и значимые Другие также испытывают стрессовое состояние, которое можно обозначить как «сопереживающее присутствие» (П. Левин). Доступность поддерживающих Других выступает важным фактором в преодолении или, наоборот, фасилитации последствий травматического стресса. В свое время К.Г. Юнг подчеркивал важность разделения любого опыта с другими людьми, полагая, что при отсутствии подобного разделения он образует эмоционально заряженные комплексы — источники психической патологии⁶.

Применительно к процессу горевания это неоднократно отмечалось в литературе: например, Дж. Боулби замечает, что члены семьи, друзья и другие люди играют основную роль, либо помогая процессу горевания, либо препятствуя ему; К. Паркес также подчеркивает важность социальной поддержки близких и опасность изоляции людей, переживающих утрату; М. Кляйн описывает в формате объектных отношений роль «хорошего объекта» в процессе зрелого горевания, подчеркивая при этом, что разрешение регрессии на параноидно-шизоидную позицию, которая характеризует горевание, в некоторой степени зависит от интернализации опыта поддержки и любви со стороны внешних объектов. Эта интернализация «хорошего» объекта смягчает примитивную агрессию и облегчает движение к депрессивной позиции и дальше — к успешному разрешению процесса горевания. М. Кляйн отмечает: «...если у скорбящего есть люди, которые разделяют его горе, и если он может принять их сочувствие, то поддерживается гармония его внутреннего мира, страхи и дистресс проходят быстрее»⁷. Дж. Хэгман, обобщая зарубежный опыт, выделяет несколько ключевых ролей, которые выполняет Другой в горевании: 1) обеспечение базовых

жизненных потребностей; 2) проявление любви, эмпатии и понимания; 3) принятие и/или разделение аффекта.

Еще одним важным аспектом роли других людей в процессе совладания с утратной ситуацией являются ритуалы — «медленное прощание» (М. Циполетти)⁸, призванные с помощью зафиксированных в культуре способов завершить внешнюю коммуникацию с ушедшим, способствовать его переводу во внутренний план, восстановлению прежнего уклада жизни и обретению жизненной перспективы, несмотря на разрушенный, но способный рефигурироваться интрапсихический мир.

В посттравматический период можно выделить следующие функции близких и значимых Других:

коммуникативная функция, включающая в себя организацию активного диалога с человеком, пережившим травматическое событие. Реализация этой функции приводит к осмыслению и пониманию случившегося через артикуляцию, проговаривание важных аспектов переживания, именно близким людям позволено задавать неудобные вопросы, выражать сомнение, комментировать ситуацию, давать оценку действиям других участников травматического события, да и просто взаимодействовать тогда, когда человек находится в состоянии «психического онемения» (Бэйкер и др.);

аффективная функция, связанная с поощрением выражения чувств. Фурман говорит о том, что «иногда <...> трудности в выражении аффекта происходят просто из-за отсутствия кого-либо, кто разделял бы чувства или на кого они могли бы быть выплеснуты»⁹. Важным моментом здесь является «переживание созвучного отклика» (Дж. Хэгман), разделение аффекта с другими, их эмоциональная вовлеченность и откликаемость на травматическое событие, эмпатия, позволяющие присоединиться к человеку и дать почувствовать ему внешнюю опору в мире, который стал опасным, враждебным и разрушительным. Вместе с тем необходимо соблюдать определенную меру, степень сочувствия, поскольку избыточное выражение чувств иногда столь же опасно, как и их отсутствие. Нужно попытаться сделать так, чтобы проявления искреннего сочувствия не трансформировались в жалость, коннотативно связанную с обесцениванием человека, или актуализировали чувство вины у пострадавшего за

доставленные другим чрезмерные эмоциональные потрясения¹⁰;

регулирующая функция касается, прежде всего, организации контекста заботы и безопасности. Известно, что регрессия в результате психопатологии или травмы может актуализировать архаические состояния, вызывающие повышенную потребность в помогающем отклике окружения. Человек испытывает острую нужду не только в эмоциональном соучастии и понимании, но и в физическом участии окружающих, которые способны решить сложные и трудные задачи, взять на себя процесс принятия какого-либо решения, принять на какой-то период ответственность, создав фон безопасности внутри контекста заботы.

Следовательно, близкие Другие занимают в пространстве полилога важное и существенное место, ослабляя или усиливая последствия травматического стресса, формируя или разрушая контекст заботы и безопасности, эмпатически вовлекаясь в коммуникацию или дистанцируясь от субъекта травматического переживания.

«Я актуальное» ↔ Другой как Я

Еще одним, не менее важным, вектором изучаемого пространства является взаимодействие с другими людьми, имеющими подобный опыт. Существует достаточно много свидетельств того, что люди, пережившие сходную травматическую ситуацию, охотно консолидируются в формальные и неформальные сообщества, демонстрируя тем самым амбивалентную поведенческую стратегию. Содержание этой стратегии заключается в том, что она включает в себя, с одной стороны, желание отделиться от большинства людей, обособиться, изолироваться, а с другой стороны, стремление объединиться и выделиться в особую группу, обладающую иными знаниями и специфическим опытом.

На наш взгляд, желание отгородиться от людей связано со страхом непринятия другими, с потерей статуса равноправного члена группы, со своеобразной «стигматизацией несчастием» и с переводом людей, переживающих травматическую ситуацию, в разряд жертв, по отношению к которым действуют иные эмоциональные и этические стандарты. Обособление и объединение с «такими же, как Я» помогает субъекту пережить травматическую ситуацию, разделив тяжесть эмоциональных потрясений и смысловую невы-

носимость с людьми, обладающими сходным опытом. Кроме того, в этом случае Другие становятся своего рода «зеркалами», в которых субъект травматического опыта видит глубину своих проблем, значимость собственных потерь, серьезность ценностно-смысловых разрывов и необходимость жизненной трансформации, находясь в своеобразной позиции наблюдателя, позволяющей снизить интенсивность субъективного переживания, сместить аффективный фокус с собственной травмы на подобное переживание другого человека, посмотреть на свой травматичный опыт глазами «Другого» и тем самым (хотя бы на время) покинуть зону всепоглощающего страдания.

«Я актуальное» → Другой как враг

Травматический стресс, активизируя атрибутивные процессы, способствует тому, что субъект травматического переживания начинает объяснять причины произошедшего с ним через поиск того, кто является реальным или воображаемым источником случившегося. Это могут быть реально персонифицированные люди — террористы, преступники и маньяки, генерализованные, обезличенные другие — врачи, правительство или даже целые этносы, в редких случаях источником всех бед человек начинает считать себя самого. Как правило, в результате в интрапсихическом мире субъекта формируется своеобразный «очаг зла», который выступает доминирующим императивом поведения, генерирует деструктивные тенденции, вызывая подозрительность, агрессивность, враждебность и актуализируя специфический архетип, запечатленный в глубинах коллективного бессознательного и представленный в сознании архетипическим образом врага. Наличие фигуры Врага (независимо от содержательной наполненности этого образа) связано с актуализацией интенсивных негативных эмоциональных состояний (страх, отвращение, ненависть) и фиксированных интенций, сопровождается напряженным монологическим общением, нарушением саморегуляции и адаптации.

Таким образом, анализ коммуникативного пространства человека, пережившего травматическую ситуацию, показывает наличие в этом пространстве множества разнородных фигур, интеракция с которыми способствует преодолению последствий травматического стресса, либо фасилициру-

ет их. Не вызывает сомнения, что ключевой фигурой этого пространства является сам субъект как автор и актер своего уникального жизненного проекта, тогда как психолог-кон-

сультант выполняет роль своеобразного куратора-модератора, способного настроить, переформатировать параметры этого пространства и гармонизировать его.

Примечания

¹ См.: Лапланш Ж., Понталис Ж. Словарь по психоанализу. М., 1996. С. 357–394.

² См.: Рягузова Е.В. Психологическое конструирование ситуации в повседневных и экстремальных условиях // Человек и социум в трансформирующемся мире: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2005. С. 208–213.

³ См.: Роджерс К. Консультирование и психотерапия: новейшие подходы в области практической работы. М., 2006; Гулина М. Терапевтическая и консультативная психология. СПб., 2001.

⁴ См.: Иванченко С.Н. Соматическая терапия травмы при работе с пострадавшими в чрезвычайных ситуациях // Московский психотерапевтический журн. 2003. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/mpj/2003/n1/ivanchenko.shtml> (дата обращения: 19.09.2009).

⁵ Цит. по: Гулина М. Указ. соч. С. 38.

⁶ См.: Юнг К.Г. Персона — 2 // Психология самосознания. Самара, 2000. С. 543–564.

⁷ Цит. по: Хэгман Дж. Роль Другого в горевании // Журн. практической психологии и психоанализа. 2002. № 3. URL: <http://psyjournal.ru/j3r/pap.php?id=20020311> (дата обращения: 21.09.2009).

⁸ Цит. по: Хааз Э. Ритуалы прощания: антропологические и психоаналитические аспекты работы с чувством утраты // Московский психотерапевтический журн. 2000. № 1. С. 29–47. URL: <http://psyjournals.ru/mpj/2000/n1/> (дата обращения: 19.09.2009).

⁹ Цит. по: Хэгман Дж. Указ. соч.

¹⁰ См.: Дембо Т., Левитон Г., Райт Б. Приспособление к несчастью — проблема социально-психологической реабилитации // Московский психотерапевтический журн. 2003. № 1. С. 142–175. URL: <http://psyjournals.ru/mpj/2003/n1/> (дата обращения: 19.09.2009).

УДК 316.6

И.А. КРАСИЛЬНИКОВ

Саратовский государственный университет
E-mail: igor.krasilnikov@mail.ru

Теоретическое обоснование спонтанно-ассоциативного метода диагностики внутриличностных конфликтов

В статье дается теоретическое обоснование спонтанно-ассоциативного метода для диагностики внутреннего конфликта личности. Автор опирается на идеи ассоцианизма и психоанализа, которые были синтезированы в методологию ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова: внутриличностный конфликт, созерцательность, ассоциативный эксперимент, спонтанно-смысловые образы, спонтанно-ассоциативный метод.

I.A. KRASILNIKOV

It is Theoretical Substantiation of Spontaneity-Association Method for Diagnostics of Inner Conflict Personality

There is theoretical substantiation of spontaneity-association method of diagnostics of inner conflict personality in the article. Author found on ideas of associanism and psychoanalysis. They were synthesized at methodology of an associative experiment.

Key words: inner conflict, contemplation, associative experiment, spontaneity-sense images, spontaneity-association method.

Существует целый класс внутренних конфликтов, получивших название экзистенциальных, которые не поддаются со стороны субъекта однозначному целенаправленному их разрешению: поведенческие стратегии в некоторых случаях могут приводить к еще большей фрустрации, тревожности и эмоциональным страданиям. Такие трудные жизненные ситу-

ации могут онтологически пониматься как невозможность дальнейшего существования и метафорично были обозначены Ж.П. Сартром¹ как «Стена», а Ф. Перлзом² — как «Тупик». В связи с этим возникает сложная теоретическая проблема обнаружения психологических форм активности, которые приводили бы к разрешению такого рода внутренних конфликтов. Про-